

М. С. Колосович

ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ РОЗЫСКА И ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРАВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

При рассмотрении вопросов формирования розыска и производства негласных действий автором сквозь призму общественных отношений в Древнерусском государстве был изучен памятник отечественного права — Русская Правда. Структура Русской Правды не имеет деления на уголовное и гражданское производство, но в ней содержатся нормы, которые можно назвать прародителями современных норм различных отраслей отечественного права. Интересующий нас исторический период характеризуется господством обычного права, где судопроизводство носило состязательный характер. В связи с чем отмечается отсутствие специализированных служб, осуществляющих правоохранительную деятельность в общем и розыскную, поисковую в частности. С учетом состязательного характера судопроизводства исторический правовой акт обязал осуществлять розыскную деятельность местную общину, на территории которой было совершено преступление, а также самого обвинителя. Автор отмечает зачатки негласного производства того времени, перечисляются источники доказательств и называются условия их допустимости.

Ключевые слова: негласное производство, розыск, формирование доказательств, допустимость доказательств.

М. S. Kolosovich

ORIGIN OF CRIME DETECTION PROCEDURE AND EVIDENCE FORMATION IN THE ANCIENT RUS' LAW

While studying aspects of crime detection formation and undisclosed search activities realization through the prism of social relationships of the Early Russian state, the author studied the record of national law — Russkaia Pravda. The slightly illogical structure of Russkaia Pravda has no partition into criminal or civil proceedings meanwhile it contains some norms that could be named progenitors of modern norms of different branches of national law. The historical period under revision can be characterized by the customary law domination where the legal proceedings had an adversarial nature. Therefore we have pointed out the absence of any specialized services that could realize a kind of law enforcement activities in general or investigation and search activities in particular. Taking into account the adversarial nature of legal proceedings, the historical legal act committed the local community as well as the prosecutor himself to carry out investigation activities, if the crime had been committed within its territory. The author specifies the rudiments of undisclosed proceedings of that period, enumerates the sources of evidence and names the conditions of their admissibility.

Keywords: undisclosed proceedings, crime detection, evidence formation, evidence admissibility.

В истории права Российской империи принято выделять три периода его развития: период земский — IX—XIII вв.; период московский — XIV—XVI вв.; период империи — XVIII—XIX вв. [1, с. 86].

Законодательная деятельность власти Руси начиналась с древнейших времен, однако конкурентоспособной сфере действия обычаев она стала значительно позже. Первый (земский)

период развития отечественного права характеризуется господством обычного права. Первоисточником обычного права стала человеческая природа (физическая и моральная), подчиненная таким же законам, как и природа органическая и неорганическая. Первоначальной ступенью формирования обычного права стали инстинкты, которые развились в сознание, превратившись из явления природы в действия

воли, т. е. то, что есть, (факт) превращается в то, что должно быть (право) [1, с. 87].

Важнейшей формой выражения обычного права рассматриваемого периода являлись: 1) юридические сделки и судебные акты (в зависимости от отраслевой принадлежности дифференцируются на гражданские и уголовные) — Русская Правда, Купчая Антония Римлянина, Рядная Тешаты, Псковская судебная грамота, Новгородская судная грамота и др.; 2) символы (например посадение князя на стол); 3) словесные формулы — «въ полѣ — двѣ воли, кому Богъ поможетъ (о судебном поединке «поле»», «въ отперты двери лѣзутъ звѣри», «желѣза и змѣя боится» (испытание железом) и др. [1, с. 88].

Значительное влияние на развитие отечественного права исследуемого периода оказали военные столкновения со странами Западной Европы и Византией и последовавшее за этим заключение международных договоров. Активное международное сношение князей принудило к процессам частичной интеграции существующего законодательства Руси с законодательством других стран. Так, в 907 г. Князь Киевский Олег заключил договор с Византией, содержание которого ограничилось лишь перечислением требований от греков дани, их обязательством давать корм прибывающим русским и местом проживания в Византии. По сути, содержание этого договора было очень кратким, если не сказать бедным.

В 911 г. между теми же сторонами был заключен второй договор, содержание которого позволяет говорить о рецессии норм греческого права. Договор имел более содержательный юридический смысл, регламентирующий гражданские и уголовные правоотношения. В отличие от предыдущего, данный договор уже содержал дату его составления, отметки о создании копии, заключительную клятву, международные взаимные обязательства между греками и русскими во время нахождения последних на территории Византии, разрешал вопросы возвращения рабов и пленников.

Говорить о поглощении или преобладании правовой культуры Византии над древнерусской не приходится. Историки [1, с. 91] отмечают отставание правовой культуры Руси от византийской, что сделало невозможным синтез правовых культур стран, а лишь поспособствовало определенному заимствованию.

Несколько позже, в XII и XIII вв., западнорусские земли (Смоленская, Полоцкая, Галицкая) заключили с Немецким орденом договора. Данные договора характеризуются тождественностью юридических норм договорившихся сторон, а в некоторых документах встречается преобладание норм русского права над нормами немецкого права.

В 988 г. Русь приняла христианство, что послужило значительному изменению всех сфер правовой жизни. Процесс заимствования норм византийского права в отечественное законодательство стал более динамичным. Началось формирование канонического права, основанное в большей мере на византийском законодательстве. Хотя история свидетельствует о том, что еще долгое время часто принимались законы, во многом противоречащие византийским.

Важным источником правовых, социальных и экономических отношений Древнерусского государства являлась Русская Правда, появление которой в основном связывают с именем Ярослава Мудрого. Памятник русского права является первым правовым актом, объединившим в себе все старые правовые акты, княжеские указы, законы и другие административные документы, регламентирующие общественные отношения, возникшие в рамках уголовного, наследственного, торгового и процессуального права. По сути, документ объединил в себе обычаи, санкционированные государством. Такое объединение свидетельствует о начале процесса систематизации, кодификации русского права.

Со времени открытия В. Н. Татищевым Русской Правды (в 1738 г.) и по сей день не умолкают споры и по дате ее появления, и по вопросам трактовки отдельных ее положений [2]. Между тем в самом законе имеется указание на князей, создавших и изменивших этот документ (Ярослав и его сыновья, Владимир Мономах), что позволило назвать примерной датой создания и редакций исторического памятника — X—XII вв.

Известны две редакции Русской Правды [3]: Краткая Правда (1016 г.), содержащая 43 статьи, и Пространная Правда (1020—1030 гг.), содержащая 121 статью и дополнение [4]. Несмотря на то, что в указанный исторический период органы судебной власти разделялись на частные и государственные, судопроизводство носило состязательный характер. Частная судебная власть находилась в руках главы семьи

или рода, господина и землевладельца. Государственными судебными органами являлись князь и бояре, которые судили самостоятельно или совместно с князем [5, с. 610].

Разделения на уголовный и гражданский процесс документ не имел. Не содержал документ и упоминаний о специализированных органах, призванных осуществлять розыск или расследование. Представляется, что отсутствие таких упоминаний не связано с забывчивостью законодателя. В силу верховенства обычаев и состязательности процесса рассматриваемого исторического периода законодатель был равнодушен к вопросам такого рода, оставив их на разрешение заинтересованных сторон, которые являлись частными лицами (обвиняемый, обвинитель, а также администрация рода, общины). Представляется, что по тем же причинам не встретились в комментируемом правовом памятнике и упоминания о производстве секретных, тайных, конфиденциальных или негласных действий.

Между тем вывод об отсутствии государственных органов, осуществляющих розыск преступников и похищенного имущества, не позволяет утверждать об отсутствии этой деятельности как таковой. В силу слабости зарождавшейся государственности обязанность розыска преступника возлагалась на вервь [6, с. 59], на территории которой было совершено преступление. В случае неустановления или отказа осуществить розыск (или выдать установленного преступника) члены общины несли солидарную ответственность, выплачивая штраф (ст. 20 Краткой Правды и ст. 3, 4, 69, 70, 77 Пространной Правды).

В случае совершения преступления неизвестным лицом законодатель определил, что администрация общины, осуществляя розыск, должна проследовать по следам вора. При этом законодатель обеспечил динамику розыскного процесса, нормативно закрепив правило, в соответствии с которым к какой общине след привел, та община и обязана продолжить розыск похищенного и преступника. Община, на которой прерывалась розыскная цепочка в связи с ее отказом продолжать розыск, при неустановлении виновного или отказе выдачи последнего платила штраф.

Если следы вывели не к члену общины, а к временно проживавшему на ее территории лицу или

вывели за территорию общины, община не несла материальной ответственности за совершенное преступление. Учитывая важность выводов произведенного расследования, чтобы исключить его предвзятость, законодатель создал механизмы контроля за законностью этой деятельности, потребовав участия в процедуре преследования чужих, не принадлежавших данной общине людей, т. е. понятых (ст. 77 Пространной Правды). Таким образом, ознаменовано зарождение не только института подследственности, но и ответственности, а значит, и контроля за деятельностью лиц, уполномоченных осуществлять розыск преступника. Здесь отметим, что в силу названных причин данная деятельность велась гласно.

Интересно, что указанные розыскные действия, кроме общины, могли осуществлять по ее найму «емцы — поимщики вора, бывшие, судя по всему, первыми сыскными агентами в истории органов, ведущих борьбу с преступностью» [7].

Отводилась активная розыскная роль и обвинителю. Он должен был обойти торговые и людные места общины в целях обнаружения и опознания похищенного имущества или пропавшего челядина (раба) (ст. 2, 10, 11, 13, 14, 30 Краткой Правды, ст. 18, 20—22, 31, 35, 52, 66 Пространной Правды). При этом закон предписывал воздержаться от обвинений (и даже упоминаний) продавца в краже, выяснив только у последнего место приобретения краденого. Данный факт свидетельствует о зарождении элементов негласности в розыскной деятельности, пусть и частного лица.

Несмотря на отсутствие в Русской Правде прямых упоминаний о негласной деятельности в какой-либо форме, история свидетельствует о том, что негласные средства все-таки применялись. Так, еще в 1071 г. по княжескому велению воеводой Яном Вышатичем были направлены тайные агенты для разоблачения белозерских волхвов-смердов [7].

Бремя установления преступника возлагалось и на лицо, у которого была обнаружена краденая вещь (пропавший челядин — раб), или на лицо, которое краденую вещь (раба) продало. При этом последний должен был возместить добросовестному приобретателю стоимость проданной вещи. В свою очередь, понесший расходы продавец, самостоятельно осуществив розыск и обнаружив лицо, от которого он получил краденое имущество, имел право уже с

последнего взыскать эти расходы (ст. 16 Краткой Правды, ст. 36—38 Пространной Правды). Для подтверждения факта продажи вещи (раба) между продавцом и покупателем могла быть произведена очная ставка (ст. 16 Краткой Правды, ст. 38 Пространной Правды).

Само же бремя доказывания в Древней Руси возлагалось на стороны судопроизводства. По обычаю славянских племен исследование представленных доказательств происходило в суде

в присутствии 12 наиболее уважаемых и опытных членов общины (ст. 15 Краткой Правды) [8, с. 106], т. е. сведения приобретали доказательственное значение только после их гласного предоставления суду.

Обвиняемый вынужден был самостоятельно доказывать свою невиновность, предоставив послуха (свидетельствующий по слуху) или видока (очевидца совершенного факта) и принудительно участвуя в испытании железом [9, с. 92] (ст. 18, 20—22, 30, 85—87 Пространной Правды).

Обвинитель в качестве доказательств мог предоставить знамение (знаки от побоев — синяки, ссадины), в случае причинения телесных повреждений — и свидетелей. Как нами уже упоминалось, обвинитель также осуществлял розыск похищенного имущества (раба) и его опознание, производилась очная ставка между продавцом и покупателем краденой вещи (раба). Впервые в Русской Правде появилось упоминание о специальном субъекте, которым являлся обвинитель-иностранец. В силу неравности условий ему разрешалось или предоставить в суд свидетелей или дать роту (присягнуть) (ст. 2, 10, 11, 13, 14, 30 Краткой Правды, ст. 18, 20—22, 31, 35, 52, 66 Пространной Правды).

Свидетелем мог выступать только свободный человек, а в некоторых исключительных случаях боярский тиун (ст. 66 Пространной Правды). Показания холопа служили основанием для рассмотрения дела судом (прототип современного повода возбуждения уголовного дела), но как доказательство не воспринимались (ст. 66, 85 Пространной Правды).

При этом важными качествами свидетеля, т. е. условиями допустимости доказательств, являлись: 1) социальный статус послуха — он должен быть свободным человеком (за некоторыми исключениями); 2) гражданская принадлежность — послух должен быть гражданином древнерусского государства (за

одним исключением); 3) гендерный признак — послух не мог быть женщиной [5, с. 622].

Таким образом, согласно Русской Правде источниками доказательств являлись:

— показания: послуха, видока, обвиняемого, обвинителя;

— предоставление знамения;

— результаты суда божьего — испытание железом;

— присяга;

— опознание обвинителем похищенного имущества или пропавшего раба;

— очная ставка между продавцом и покупателем похищенного имущества или рабом.

Несмотря на то, что законодательно негласная деятельность в связи с совершенным преступлением не регламентировалась, по факту зачатки этой деятельности в рассматриваемый исторический период уже появились.

Примечания

1. Обзор истории русского права проф. М. Ф. Владимирского-Буданова. 6-е изд. СПб., 1909.
2. Подробнее с анализом существующей дискуссии можно ознакомиться: Обзор истории русского права проф. М. Ф. Владимирского-Буданова. 7-е изд. Петроградъ, 1915; Правда Русская. II. Комментарии // Б. В. Александров [и др.]; под ред. акад. Б. Д. Грекова. Л., 1947; Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. I: Законодательство Древней Руси. М., 1984.
3. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. I: Законодательство Древней Руси. М., 1984; История государства и права СССР. Ч. 1 / под ред. О. И. Чистякова, И. Д. Мартысевича. М., 1985.
4. Другие ученые называют и третью редакцию Русской Правды — Сокращенная Правда, которая, по их мнению, стала результатом переработки в XV—XVII вв. Пространной Правды (см.: История государства и права СССР: учебник / под ред. Ю. П. Титова. М., 1988. Ч. 1).
5. Обзор истории русского права проф. М. Ф. Владимирского-Буданова. 7-е изд. Петроградъ, 1915.
6. Вервь — сельская община // Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. I: Законодательство Древней Руси. М., 1984.
7. Малыгин С. С., Чечетин А. Е. Основы оперативно-разыскной деятельности: курс лекций. Екатеринбург, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=977&lvl=05> (дата обращения: 24.04.2015).
8. Правда Русская. II. Комментарии // Б. В. Александров [и др.]; под ред. акад. Б. Д. Грекова. Л., 1947.
9. Испытание железом — определение виновности по степени ожога от раскаленного железа, которое должен взять в руки обвиняемый // Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. I: Законодательство Древней Руси. М., 1984.